

представителями восточной патристики, в целом с позиций христианизированного неоплатонизма. Поэтому необходимым условием всестороннего изучения идейных истоков религиозной формы философской мысли в Киевской Руси является рассмотрение её патристических источников, начиная с анализа самой интерпретации восточной патристикой неоплатонизма как позднеантичного итога и синтеза главным образом предыдущего древнегреческого богоискания и богопознания с целью его использования для теоретического обоснования христианства и его богословия.

Библиографический список:

1. Білецький О. Перекладна література візантійсько-болгарського походження / О. Білецький [Текст] // Білецький О. Збір. праць. - К.: Наук. думка, 1965. - С. 6-58.
2. Бондарь С. В. Философско-мировоззренческое содержание "Изборников 1073-1076 годов" [Текст] / С. В. Бондарь. - К.: Наук. думка, 1990. - 152 с.
3. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви [Текст] / С. Н. Булгаков. - К.: ЛОГОС, 1991. - 238 с.
4. Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI - начала XII в. [Текст] / В. С. Горский. - К.: Наук. думка, 1988. - 136 с.
5. Греков Б. Д. Киевская Русь [Текст] / Б. Д. Греков. - М.: Госполитиздат, 1983. - 638 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. [Текст] / В. В. Зеньковский. - М.: Академ. проект, 2001. - 880 с.
7. Отечественная общественная мысль эпохи средневековья (историко-философские очерки): [сб. науч. трудов] [Текст]. - К.: Наук. думка, 1988. - 323 с.
8. Отечественная философская мысль XI-XVII вв. и греческая культура: [сб. науч. трудов] / АН Украины. Ин-т философии; [редкол.: В. М. Ничик [и др.]. - К.: Наук. думка, 1991. - 340 с.
11. Рациональность как предмет философского исследования [Текст]. - М.: ИФРАН, 1995.
12. Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории [Текст] / П. П. Толочко. - К.: Наук. думка, 1987. - 545 с.
13. Флоровский Г. Пути русского богословия [Текст] / Г. Флоровский. - Париж: YMCA-press, 1981. - 599 с.

Столетов А. И., Лукманова Р. Х.

РЕЛИГИОЗНОЕ ТВОРЧЕСТВО: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛЮС

Аннотация. Через обращение к пониманию сущности религии в богословском учении Ф. Шлейермахера раскрывается сущность религиозного творчества, заключающегося в созидании духовной связи своей личности с миром и Богом. Это созидание произрастает из чувства всеобщей взаимосвязи и тотальной свободы, называемых благодатью.

Ключевые слова: творчество, креативность, религия, Ф. Шлейермахер, человек.

Еще в начале прошлого века мыслители ощущали «усталость» культуры, выражающуюся в осознании ограниченности сил философии, науки, искусства и религии наделять человека полнотой жизни. Например, Н. А. Бердяев, обращаясь к проблеме сущности творчества, отмечал, что «культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача» [1, с. 299]. Видя в творчестве способ преодоления замкнутости человека в земном существовании, он полагал, что в последней, тайной своей сущности творчество церковно, и в ходе религиозного творчества создается мировое богочеловеческое тело [1, с. 305]. Интересно, что русский философ делает акцент на религиозной природе творчества в тот период, когда наука, стремительно развиваясь, завоевывает все новые и новые социокультурные пространства, осваивает новые уровни Вселенной, и, несмотря на кризис классических форм, завоевывает все больший авторитет, становясь основой для инженерно-технического творчества, влияя на сферу художественного через создание новых технологий.

Мы не станем касаться аспектов креационизма, поскольку для их осмысления необходимо разбираться с природой Абсолютного начала, что само по себе – сложнейшая проблема. К тому же, мыслители, начиная с Античности, через Средневековье и к современной теологии достаточно много об этом сказали. Попробуем разобраться, в чем именно заключается религиозное творчество с точки зрения антропологической. Для этого необходимо сформировать понимание сущности религии, поскольку специфика того или иного вида творчества тесно связана с сущностью того социокультурного феномена или процесса, в рамках которого творчество осуществляется. Д. В. Пивоваров определяет религию как изменяющуюся духовную связь с одним из трех идеальных «пределов»: Абсолютным Я, родовым человеком или Богом [2, с. 19].

В своем понимании религии мы будем исходить из богословской концепции Ф. Шлейермахера, изложенной в «Речах о религии...» [3]. Отмечая, что религия тесно связана с богопознанием, он видит суть этого

процесса в религиозном размышлении, которое «есть лишь непосредственное сознание, что все конечное существует лишь в бесконечном и через него, все временное – в вечном и через него. Искать и находить это вечное и бесконечное во всем, что живет и движется, во всяком росте и изменении, во всяком действии, страдании, и иметь и знать в непосредственном чувстве саму жизнь лишь как такое бытие в бесконечном и вечном – вот что есть религия» [3, с. 75].

Сравнивая религию с другими областями культурного пространства (наукой, техникой, искусством и т. п.), немецкий мыслитель называет основное, с его точки зрения, отличие их от религии. Они представляют собой «действие», требующее от человека стремления к мастерству, которое ограничивает, привязывает к специализированной сфере творчества: «...если это мастерство всецело занимает его, и он живет лишь данным своим творчеством, как может он достигнуть полного участия в мире, как может жизнь его стать целостной? Отсюда односторонность и духовная нищета большинства виртуозов или низкий уровень, на котором они стоят вне своей специальной области». [3, с. 118] Можно скептически отнестись к представлениям Ф. Шлейермахера о том, что виртуоз, мастер в своей области односторонен и духовно нищ, но за этой гиперболой проглядывает более глубокий смысл, касающийся основ, сущности творчества. В искусстве, например, эта проблема обозначается как проблема невыразимого. Стремление воплотить творческий импульс, внутреннее чувство бесконечного и вечного бытия, подталкивает субъекта этого чувства к опредмечиванию этого импульса и, как следствие, отчуждению, экзистенциальному разрыву. Литературовед С. Т. Вайман, например, полагает, что в основе художественного творчества лежит праобраз – источник творческого процесса не тождественный замыслу, представляющий собой целостное бесструктурное поле, обуславливающее творческие усилия по созданию произведения искусства в стремлении воплотить этот исходный импульс [4, с. 15–21]. Сама динамика Вселенной и ее воздействие на нас предполагает обособленность и конечность, на исследование которых направлена наука и рациональная философия. Поэтому воплощение праобраза – задача идеальная, уходящая в область бесконечного.

Задачей же религии является связывание этой разорванности, восстановление изначальной целостности мира, которая в религиозном знании обозначается словом «благодать». Подлинное религиозное творчество состоит в постоянном восстановлении равновесия и гармонии между собственной конечностью и высшим единством, неисчерпаемостью целостного ощущения бытия в боге и через бога. Творчество религиозного человека выражается в способности видеть в каждом фрагменте нашего мира проявление божественного начала, в стремлении его сохранить и расширить его присутствие.

Источником творческого действия является специфическая направленность субъекта творчества – креативность. Мы выделяем два типа такой направленности: интенсивный и экстенсивный [5]. Религиозное творчество исходит из интенсивной креативности, связанной с устремленностью личности к экзистенциальным основаниям. Используя понятие праобраза, можно сказать, что интенсивная креативность порождает творчество, состоящее – вне зависимости от его типов и форм – в стремлении к состоянию «целого раньше частей», свойственному праобразу. Для религиозного типа творчества праобразом является божественное начало.

Но, несмотря на то, что, по мнению Ф. Шлейермахера, всякое действие ведет к разрыву изначальной чистоты религиозного чувства единства и связи с высшим, чем человек, действие для религиозного человека все же возможно. Это обусловлено тем, что, ощутив в себе праобраз, бога, он входит в состояние, выносящее субъекта действия за рамки материальной ограниченности и отчужденности. Сам Ф. Шлейермахер пишет об этом так: «Вы становитесь сознанием, и целое становится предметом, и это взаимное слияние и единение сознания и предмета, пока еще то и другое не вернулось на свое место, пока предмет еще не оторвался от сознания и не стал объективным представлением, и вы сами не оторвались от сознания и не стали чувством, — это предшествующее состояние и есть то, что я имею в виду, тот момент, который вы каждый раз переживаете, но вместе и не переживаете, ибо явление вашей жизни есть лишь результат его постоянного прекращения и возвращения» [3, с. 82]. Это вневременное мгновение-состояние и есть сущность религиозного праобраза, который человек воплощает всю свою жизнь, наполняя ее до пределов своего чувствования. Этот момент «есть непосредственное, лежащее за пределами всякого заблуждения и непонимания, священное сочетание вселенной с воспротивившимся разумом в творческом, зиждательном объятии» [3, с. 82]. Несущий этот момент человек действует в потоке благодати, поэтому состояние разорванности, свойственное отчуждающим (экстенсивным) типам творчества, творчеству религиозному и не присуще.

Исследования языка, проведенные Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном демонстрируют, что язык и мышление имеют метафорическую природу [6]. Эта метафоричность своеобразно преломляется в религии. Если очень обобщенно выразить суть метафоры, это будет связь между фрагментами универсума, устанавливаемая человеческим сознанием, имеющая образное выражение. Как мы выяснили, сущность религии состоит в постоянно творимой человеком связи. Но если в искусстве или науке эта связь имеет конкретный характер – между определенными явлениями и формами, то религиозное творчество проявляет всеобщность метафоры – связи человека со вселенной и предельными уровнями бытия. В этом плане мы считаем

возможным говорить о метафорической концепции человека [7]. Религиозное творчество – это процесс создания человеком сверхметафоры, проявление своей божественной природы.

Библиографический список:

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М. : Искусство. 1994. С. 37–342.
2. Пивоваров Д. В. Онтология религии: основные понятия и принципы. СПб. : Алетея. 2017.
3. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презирующим. Монологи / пер. с нем. и пред. С. Л. Франка. СПб. : АО «АЛЕТЕЙЯ». 1994.
4. Вайман С. Т. Неевклидова поэтика. Работы разных лет. М. : Наука. 2001.
5. Stoletov A. I. Social Creativity and Phenomenon of Success in Postindustrial Society // Creativity Studies. Vol. 9. Issue 2. 2016. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.3846/23450479.2016.1223765>
6. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York : Basic Books. 1999.
7. Stoletov A. I., Lukmanova R. Kh. Metaphor as a Symbol of Contemporary Man // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Conference Proceedings. Aug 24–31, 2016. Book 3. Vol. 2. P. 717–722.

Федоровских А. А.

ИСТОЧНИК И ОБОСНОВАНИЕ ВЛАСТИ: ДУХОВНЫЙ (САКРАЛЬНЫЙ) АВТОРИТЕТ ИЛИ СВЕТСКОЕ (МИРСКОЕ) ГОСПОДСТВО

Аннотация. В данной работе исследуются два источника и способа обоснования власти – духовный авторитет и светское господство, которые позволяют не только практически описать, но и понять сложный и неоднозначный социально-политический феномен власти, а также осмыслить тенденции применения техник властвования (в форме господства) в современном мире.

Ключевые слова: авторитет, власть, господство, сакральное (священное), мирское (светское), профанное.

Прежде чем приступить собственно к исследованию предложенной темы, необходимо пояснить, что изучение сложного, неоднозначного и эзотерического понятия власти не входит в цель данной работы потому, что это тема отдельного большого исследования. Некоторые аспекты власти как понятия и феномена были проанализированы мной в статье «Власть: аналитика понятия и феномена» [1]. Источники власти, которые можно описать с помощью аналитических и синтетических процедур и/или феноменологических операций, можно свести к двум основным категориям: духовному (священному, сакральному) авторитету и светскому (мирскому) господству. Эти две категории, хотя пересекаются и взаимосвязаны, сущностно различны, описывают разные свойства и дают отличающиеся характеристики, как самой власти, так и всем явлениям с ней связанным.

Авторитет (от латинского auctoritas – власть, влияние, сила, достоинство) – это понятие, при всех возможных интерпретациях и определениях, все равно сохраняет главную свою характеристику: «...1) общепризнанное значение, влияние; 2) тот, кто пользуется общим признанием, влиянием» [2, с. 17]. Политологический подход позволяет сделать уточнение (и это важно отметить для раскрытия темы данной работы), что авторитет предполагает неформальность влияния и добровольность подчинения, что составляет существенную особенность управления и осуществления властных функций и полномочий [3, с. 8–9]. Авторитет власти, во-первых, позволяет реализовывать действия и осуществлять деятельность, не прибегая к насилию и силовым санкциям, во-вторых, создает и сохраняет легитимность властных государственных институтов, что увеличивает эффективность власти, ее устойчивость и стабильность. В рамках социологии также фиксируется необходимость признания авторитета и его влияния на положение дел, и особо отмечается связь и сходство авторитета с понятиями статуса, престижа и лидерства [4, с. 5]. Авторитет и как понятие, и как феномен, изначально был связан с духовным миром, и сами его истоки, и его происхождение указывают на сферу сакрального. Выдающийся французский философ-традиционалист Рене Генон в своей работе «Духовное владычество и мирская власть» («Autorite Spirituelle et Pouvoir Temporel»), которая является одной из основных книг по заявленной теме исследования, в главе II «Функции священства и царства» четко разделяет уже на уровне используемых слов духовную составляющую власти и мирскую, материальную: для первой он использует понятие «autorite», которому переводчик подобрал русский эквивалент – «владычество» [5, с. 26]. Но не менее точным и близким по смыслу является понятие «авторитет» (что даже заметно по написанию и произношению слова). Авторитет не может быть связан с насилием, угрозой применения силы и реализации силового воздействия, с материальными ресурсами, с господством и мирской властью. Следовательно, наиболее точным будет употребление этого слова в сочетании с понятиями, описывающими нематериальную